

Фан Чи чувствовал себя так, будто он стоит перед грудой взрывчатки, смертельно боясь, но всё же вынужден поднести к ней факел.

Он не знал, насколько мощным будет взрыв, как далеко он разнесётся, кого ранит и не оставит ли всех вокруг истекающими кровью.

Как ни продумывал он варианты, ни один не гарантировал, что он сможет уберечь близких от последствий.

А эти слова, которые он только что произнёс, стали тем самым факелом, коснувшимся фитиля.

Глядя на искры, рассыпающиеся с шипением, он понял – пути назад больше нет.

Дедушка как раз набивал трубку табаком. Услышав слова внука, он замер, рука дёрнулась, и щепотка табака рассыпалась по полу.

- За что тебя бить? – Он повернулся к Фан Чи.

- Я... – Фан Чи не решался поднять глаза, уставившись в рассыпанный табак. – Дедушка, я... Если я скажу, что я... как Сяо Имин, ты...

- Как он? – переспросил дед.

- Как он... – Фан Чи стиснул зубы, сжав губы. – Люблю мужчин.

Воздух словно застыл.

Время остановилось.

Всё вокруг оцепенело.

Лишь холодный ветер продолжал свободно носиться, пробираясь со двора и обжигая кожу ледяными поцелуями.

Трубка деда со всей силы ударила Фан Чи по затылку.

Боль.

Невыносимая боль.

Дед, всю жизнь проработавший в поле, обладал недюжинной силой.

Фан Чи почувствовал, будто ему в голову врезали чем-то тяжёлым. Сперва онемение, а затем – пронзительная боль. Но прежде, чем она успела разлиться по телу, трубка со звонким треском ударила его по лицу.

И сломалась пополам.

- Что ты сказал? – Голос деда дрожал от ярости и непонимания.

Фан Чи не шевелился, медленно переведя взгляд с табака на обломки трубки.

- Я люблю... мужчин.

- Кого именно? Сяо Имина? Или... – Дедушка запнулся. – Сунь Вэньцюя?

Впервые с тех пор, как вся семья, следуя воле бабушки, стала называть Сунь Вэньцюя «Водоканалом», дед произнёс его настоящее имя. Полностью.

То, что дед спросил конкретно о ком-то, было ожидаемо. Видимо, в его глазах должен был быть «виновник», иначе Фан Чи не осмелился бы заявить о таких вещах.

- Не Сяо Имина, - ответил Фан Чи.

Отрицать причастность Сяо Имина он мог, но повторить имя Сунь Вэньцюя у него не хватило смелости. Бабушка с дедушкой относились к Сунь Вэньцюю как к внуку, и наносить им ещё один удар Фан Чи не решался.

- Значит, Сунь Вэньцюй? - Голос деда дрожал ещё сильнее.

Фан Чи промолчал, уставившись в пол.

Дедушка тоже не стал допытываться. Он поднял сломанную трубку, пытаясь соединить половинки, будто надеялся починить её.

Но ничего не вышло.

В конце концов он швырнул трубку и встал, зашагав по двору.

Обычно дед неспешно прогуливался по двору, наслаждаясь покоем.

Сегодня он тоже шёл не быстро, но по его шагам Фан Чи ясно ощущал тревогу и гнев. Даже пёс Малыш, всегда бегавший за дедом, сейчас сидел в углу, не шевелясь.

Мозг Фан Чи отказывался думать. Мысли путались, как кипящая в котле похлёбка - вроде бы полная, но разобрать что-либо невозможно.

Он чувствовал лишь холод, медленно ползущий от кончиков пальцев по всему телу.

- Дедушка... - Он вдохнул и поднял голову.

Не успев договорить - сам не зная, что хотел сказать.

- Заткнись! - Дед двумя шагами преодолел расстояние и ударил его по лицу.

Фан Чи, просидевший на корточках слишком долго, едва не рухнул на землю. Он успел опереться рукой.

Малыш взвизгнул, подбежал к деду и схватил зубами за полу его одежды, тихо поскуливая.

- Ты... - Дед трясущимся пальцем тыкал в него, голос срывался от гнева. - Всё твердили, что ты умный! Рассудительный, самостоятельный! Ну и да... Какой же ты умный! Очень умный!

Фан Чи молчал. От удара в голове звенело.

- Ты... Ты нас убиваешь! - Дед задыхался, не в силах выговорить больше ни слова.

Фан Чи тоже молчал. Слова были сказаны, и теперь всё изменилось. Каким бы ни был его прогноз, каждое следующее мгновение становилось неожиданностью.

- Марш наверх! - закричал дед. - Вали в свою комнату!

Фан Чи медленно поднялся. Не то от удара, не то от долгого сидения в крови зашумело, в глазах потемнело. Прождав несколько секунд, пока зрение не прояснилось, он развернулся и зашёл в дом.

- Как твоя бабушка это переживёт?! - с болью в голосе крикнул ему вдогонку дед. Затем тяжёлый вздох. - Как мы теперь Новый год встретим?!

Фан Чи не пошёл через гостиную - он боялся, у него не хватило бы духу встретиться с бабушкой, пока она ещё ничего не знала. Он поднялся по задней лестнице прямо на террасу и зашёл в свою комнату.

Закрыв дверь и окна, он сел на кровать.

В ушах и в голове звенело, перемежаясь с пронзительным шумом, похожим на крик.

Всё. Он сказал.

Но облегчения не было. Слова деда давили на него, будто груда тяжёлых одеял.

Тяжесть, от которой не умирают.

Удушье, от которого не задыхаются.

Просто гнёт.

Напряжение.

Запищал телефон.

Фан Чи лишь через несколько минут медленно достал его из кармана.

Сообщение от Сяо Имина:

- Когда будешь говорить, не упоминай Сунь Вэньцюя. Не говори, что у тебя сейчас есть парень. Так будет легче.

Фан Чи пошевелил пальцами - они будто одеревенели, каждое движение давалось с трудом.

- Уже сказал. Всё.

Сяо Имин ответил не сразу.

- Уже? Когда? Что случилось? Можешь поговорить?

- Только что. Всё плохо. Говорить могу, но не хочу.

- Ладно. Если понадобится помощь - скажи. Держись. Успокой бабушку с дедушкой.

- Ага.

Фан Чи отложил телефон и повалился на кровать, закрыв глаза.

Дед лишь разозлился, но не дал никакого ответа. Сможет ли принять, согласится ли, что будет

дальше - Фан Чи не знал ничего.

Может, деду нужно время, чтобы осознать. Даже он сам когда-то не мог смириться с этим.

А когда дед наконец осознает... Фан Чи боялся думать об этом.

Вокруг было тихо. Как всегда в канун Нового года - тишина, наполненная предпраздничным оживлением. Но в этом году Фан Чи чувствовал лишь гнетущую тишину, от которой нечем дышать.

В комнате было тихо. Слышно было, как Малыш скребётся в дверь, тычется в неё носом.

Внизу тоже было тихо. Непонятно, где дед - во дворе или в гостиной. Сказал ли он бабушке - тоже неизвестно.

А сам он сейчас мог только лежать. Что ещё оставалось?

Не знал.

Прошло время. Жгучая боль в щеке сменилась жаром. Голова тоже перестала болеть, лишь пульсировала и горела.

На лестнице раздались шаги - быстрые, тяжёлые.

Фан Чи открыл глаза и резко сел.

На часах было полдень. Он пролежал три часа.

Это были шаги бабушки. Шаги, когда она злилась.

Он глубоко вдохнул, готовясь к её гневу.

Но дверь в его комнату не открылась. Вместо этого бабушка распахнула дверь в комнату Сунь Вэньцюя.

Прежде чем Фан Чи успел понять, что происходит, оттуда донёсся грохот опрокинутого стула, звон разбитой кружки.

Затем - громоподобный гул падающих и разбивающихся вещей.

Когда Фан Чи услышал, как кто-то, кажется, разбивает электрическую печь для обжига Сунь Вэньцюя, он вскочил с кровати и, собравшись с духом, вышел.

- Ты зачем вышел? - Дед стоял у двери комнаты Сунь Вэньцюя и нахмурился, увидев его.

- Я... - Фан Чи не видел, что творилось внутри, но у порога уже лежали осколки стекла и дерева.

- Иди в свою комнату, - сказал дед.

- Простите, - Фан Чи не знал, что ещё сказать. - Простите...

- Позвони этому Сунь Водоканалу! - закричала из комнаты бабушка. Она вышла, держа в руках топор с зазубренным лезвием. Глаза её были красными, по лицу текли слёзы. - Я хочу спросить

его! Чем мы ему не угодили?! За что он так с нами?!

- Бабушка... - Сердце Фан Чи сжалось от боли. Он упал на колени. - Бабушка, простите. Это я вас подвёл.

Бабушка молча смотрела на него, затем швырнула топор и бросилась к нему.

- Зачем?! - Она ударила его по руке, затем по плечу. - Зачем?! Ну зачем же ты так?!

- Простите... простите... - Фан Чи склонил голову, кусая губу.

Бабушка била его кулаками, рыдая.

Зачем.

Зачем.

Ну зачем же ты.

Вероятно, это был единственный вопрос, на который они хотели получить ответ.

Но зачем?

Фан Чи не знал. Зачем?

Если бы его спросили, почему он любит Сунь Вэньцюя, он бы нашёл множество причин - и благородных, и не очень. Он знал каждую мелочь, каждую деталь, почему любит его. Лучше, чем кто-либо. Лучше, чем сам Сунь Вэньцюй.

Но почему он любит мужчин?

Никто не мог ответить.

- Не знаю... Не знаю... - Фан Чи опустил голову. - Простите, бабушка, простите...

Бабушка зарыдала громче, перестав спрашивать «зачем». Она просто била его, снова и снова.

Её удары были слабее дедовских, словно дождь по телу - не слишком больно.

Но сердце болело так сильно, что Фан Чи едва дышал.

- Негодяй, - сквозь слёзы била его бабушка. - Негодяй! Совсем с ума сошёл!

Её крики заставили Фан Чи пожалеть, что он воспользовался сегодняшним «удобным случаем».

- Отдохни, - дед, до сих пор молча наблюдавший, подхватил бабушку. - Бить его бесполезно. Ты только себя измучаешь.

- Убей его, вот и всё! - сквозь слёзы выкрикнула бабушка.

- Не говори глупостей, - дед обнял её за плечи, мягко похлопывая по спине. - Пойдём, спустимся вниз.

Бабушка ещё пару раз стукнула его по плечу, прежде чем позволила деду почти насильно

увести себя вниз.

- Сяо Чи, иди в свою комнату, - бросил дед, уже спускаясь по лестнице.

Фан Чи опустил голову, но не двинулся с места, продолжая стоять на коленях.

Похоже, дед увёл бабушку в их спальню на первом этаже - её рыдания постепенно стихли.

Фан Чи оставался на коленях.

Он не хотел двигаться.

Не мог думать. Не мог реагировать.

Единственное, чего он хотел, - это оставаться здесь, на полу.

Даже дыхание причиняло боль, отдаваясь в каждом нерве.

Его сердце болело.

Болело за деда, за бабушку, за этих двух стариков, вложивших в него всю свою любовь и заботу.

С того места, где он стоял на коленях, был виден угол комнаты Сунь Вэньцюя - некогда аккуратной и чистой, а теперь превратившейся в хаос.

Его сердце болело и за Сунь Вэньцюя.

Того самого Сунь Вэньцюя, который пил с дедом, писал для них новогодние парные надписи, делал для них посуду. Теперь, из-за его слов «я люблю мужчин», он стал в глазах бабушки с дедом преступником.

Боль.

Боль за каждого.

Но он не знал, кого винить.

Ли Бовэня?

Или себя?

Он не понимал.

- Не... не берёт трубку? - спросил Ма Лян.

- Нет, - Сунь Вэньцюй взглянул на телефон и отбросил его в сторону. - Три звонка - и ни одного ответа.

- Может, спит? - предположил Ма Лян.

- Спит с обеда до шести вечера? - Сунь Вэньцюй фыркнул. - Да даже если бы он был без сознания, услышав мой звонок, он бы проснулся и ответил.

- Тогда, наверное, гуляет без телефона, - усмехнулся Ма Лян.

- Ладно, пусть сам перезвонит, - Сунь Вэньцуй потянулся. - Пойду посмотрю чертежи.

- Сначала поешь, - похлопал его по плечу Ма Лян.

С наступлением холодов Ху Юаньюань каждый день радовала их разными видами горячих горшков: баранина, говядина, свиные кости, сычуаньский, хунаньский, северо-восточный - ни разу не повторялась.

Сунь Вэньцуй чувствовал, что к Новому году его можно будет отправлять на убой.

- Сегодняшний острый горшок особенно ядрёный, - Ху Юаньюань указала на котёл с красным бульоном. - Я хотела положить только половину приправы, но рука дрогнула - высыпала всю.

- Сегодня будет жарко, - Сунь Вэньцуй зачерпнул ложку бульона и попробовал. - Ох, сегодня вечером я, наверное, смогу сыграть Мэн Цзяню, которая плачем разрушила Великую стену.

- Правда? - Ма Лян сразу оживился, тоже попробовав. - Две Мэн Цзяню... от Бадалина до Мутаньюя - всю стену в слёзы размоем.

После этой «плачевной» трапезы Сунь Вэньцуй умылся, прополоскал рот, положил под язык кусочек шоколада и отправился в дизайнерскую мастерскую.

Он всегда говорил, что ленится осваивать компьютерные программы для чертежей, но в итоге научился. Сев перед монитором, он вздохнул, просматривая изображения и записывая идеи в блокнот.

Ма Лян не пошёл за ним - когда Сунь Вэньцуй работал с чертежами, тот всегда оставлял его одного.

Закончив, Сунь Вэньцуй вышел, и Ма Лян тут же протянул ему чашку горячего чая:

- Как... как успехи?

- Завтра поговорю с менеджером Чжаном, - Сунь Вэньцуй сделал глоток и взглянул на телефон. - Уже почти десять. Пойду спать.

Ма Лян мельком глянул на его телефон:

- Всё ещё не...

- Нет, - Сунь Вэньцуй накинул куртку, сунул телефон в карман и поправил воротник. - Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, директор Сунь, - улыбнулась Ху Юаньюань, развалившись на диване.

Вернувшись в свою комнату, Сунь Вэньцуй принял душ, свернулся калачиком на кровати, выключил свет и взял телефон.

Ни пропущенных звонков, ни новых сообщений. С тех пор как вчера вечером Фан Чи позвонил ему пожелать спокойной ночи, они больше не связывались.

Сунь Вэньцуй нахмурился.

Что случилось?

Фан Чи был надёжным человеком, он никогда не сделал бы ничего, что могло бы его беспокоить.

Что-то произошло?

Ли Бовэнь?

Разобрался с Ли Бовэнем?

Как именно?

Насколько жёстко, чтобы даже не взять трубку?

Сунь Вэньцуй закрыл глаза, размышляя, но через мгновение резко их открыл.

Настенные часы в гостиной внизу пробили одиннадцать. Фан Чи сидел на втором этаже в коридоре и слушал.

Он всегда считал, что сцены в сериалах, где героини стоят на коленях всю ночь, бледнеют, шатаются и в итоге падают в обморок, – полная чушь. Ещё не дойдя до обморока, он уже чувствовал, как колени превращаются в крошево, и вынужден был сесть на пятки. Потом и пятки онемели, и он просто опустился на пол.

С середины дня телефон звонил много раз – были и сообщения, и звонки. Он слышал. Были звонки от других, и от Сунь Вэньцуй тоже.

Сунь Вэньцуй звонил несколько раз.

Но он так и не двинулся с места.

Боялся.

Боялся услышать голос Сунь Вэньцуй, боялся, что не сможет скрыть свои эмоции.

Боялся и голосов других – Сяо Имина, Чэн Мо... Боялся, что они спросят:

«Как дела?»

«Что случилось?»

«Как отреагировали бабушка с дедом?»

Он боялся отвечать, боялся вспоминать тот хаос и боль.

Внизу работал телевизор. Бабушка с дедом, как и он, с обеда ничего не ели.

Сначала они были в своих комнатах, теперь сидели в гостиной, уставившись в экран, который всё это время показывал первый канал.

Они не разговаривали. Уже давно прошло их обычное время отхода ко сну, но они всё сидели, молчали.

Когда часы пробили полночь, Фан Чи наконец услышал голос деда – тот тихо уговаривал бабушку лечь спать.

Затем их шаги затихли в спальне на первом этаже, а через несколько минут дед снова вышел.

Фан Чи посмотрел на лестницу. Раздалось шуршание когтей – это Малыш подбежал к нему, обошёл несколько кругов, ткнулся мордой в ногу, лизнул его в лицо и наконец улёгся у его ног.

Шаги деда поднимались по лестнице – сегодня они были тяжелее, будто он устал.

- Иди в комнату, ложись спать, – дед остановился перед ним.

- Бабушка... – голос Фан Чи предательски дрогнул, став хриплым и грубым, будто он наглотался песка. Он прокашлялся. – Как она?

Дед вздохнул, но не ответил.

- Дедушка... – Фан Чи с трудом снова встал на колени. Всё тело ниже пояса онемело, и ему пришлось опереться на голову Малыша, чтобы удержать равновесие. – Я...

- Не сейчас, – дед махнул рукой. – И хватит стоять на коленях. Иди спать.

Фан Чи не двинулся.

- Эту проблему сейчас не решить, – сказал дед. – Поговорим завтра.

С этими словами он медленно спустился вниз.

После короткого отдыха колени снова начали ныть, и меньше чем через минуту боль стала невыносимой. Фан Чи стиснул зубы и снова сел на пол.

Малыш прижался к нему, тычась мордой в подбородок, а потом принялся облизывать ему руку.

- Малыш... – Фан Чи обнял его за шею и прошептал ему на ухо. – Скажи, что мне делать? Ты знаешь? Уговори бабушку с дедом... Пожалуйста... Мне так страшно. Я боюсь, что они сгорят от злости, но у меня нет другого пути...

Малыш поднял голову, ткнулся холодным мокрым носом ему в подбородок.

- У меня... правда нет другого выхода, – Фан Чи почесал ему шею. – Все эти годы я боялся именно этого... Это не тот путь, который я выбрал сам, но идти по-другому я не могу...

Малыш тихо заскулил.

- Я подвёл бабушку с дедом, подвёл отца с матерью... – Фан Чи закрыл глаза. – Но я не понимаю, в чём моя вина... Что мне делать... Скажи мне...

Телефонный звонок разбудил Сунь Вэньцюя – он дремал, обняв ноутбук. Взяв трубку, он пробормотал:

- Алло?

- Ты спал? – раздался голос Фан Чи.

- Что с тобой? – Сунь Вэньцюй сразу заметил перемену в его голосе – тот стал хриплым.

- Температура, – Фан Чи кашлянул. – Всю ночь кашлял, к утру разболелся.

- С чего бы? - Сунь Вэньцзюй сел на кровати, отбросив ноутбук. - Вчера всё было в порядке.

- Не знаю, - Фан Чи снова закашлялся. - Днём ездил в посёлок, ставили капельницу. Сейчас вроде прошло.

- Почему не брал трубку? Даже не позвонил? - нахмурился Сунь Вэньцзюй.

- Утром температура под сорок, дед запаниковал, повёз меня в посёлок. Я в полубреду, телефон забыл. После капельницы поехал к родителям... - его хриплый голос звучал так, что сердце сжималось. - Не мог же я взять их телефон, чтобы позвонить тебе...

- Сейчас вернулся к деду? - спросил Сунь Вэньцзюй.

- Да, только приехали. Родители тоже со мной, - сказал Фан Чи, затем понизил голос. - Ты не сердись?

Эта хрипкая нотка с ненавязчивой капризностью растрогала Сунь Вэньцзюя:

- Уже отзлился, даже поспал немного.

Фан Чи снова закашлялся, а затем рассмеялся:

- Кстати, я тебе не рассказал.

- Что? - Сунь Вэньцзюй насторожился.

- Вчера вечером, когда возвращался, у въезда в деревню встретил этого ублюдка Ли Бовэня, - сказал Фан Чи. - Так он аж подпрыгнул от страха.

- И что, не прибил его? - усмехнулся Сунь Вэньцзюй.

- Нет, я просто руку поднял - он сразу на колени... - Фан Чи замолчал на секунду. - Встал на колени так, что хрустнуло, будто гимн заиграл.

- Что за чушь, - Сунь Вэньцзюй рассмеялся. - Не связывайся с ним. Ложись спать, ты же только что болел.

- Ага, - Фан Чи тоже улыбнулся. - Завтра позвоню попозже. Наверное, проспять могу до вечера - лекарства такие сонные.

- Понял. Спи.

- Спокойной ночи, - сказал Фан Чи. - Я люблю тебя.

Сунь Вэньцзюй замер.

«Ты мне нравишься».

«Ты мне очень нравишься».

«Ты мне нравишься до безумия».

Фан Чи говорил ему много раз о своей симпатии, в разных формах.

Но слово «люблю» он услышал впервые.

- Сунь Вэньцзюй, - голос Фан Чи стал ещё хриплее. - Я люблю тебя.

- Я тоже люблю тебя, - тихо ответил Сунь Вэньцзюй.

<http://bllate.org/book/14411/1274194>